

Русская
Православная Церковь
и Русско-турецкая война
1877—1878 гг.

Введение

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., называемая в болгарской историографии Освободительной войной, стала одним из важнейших событий внешней политики России второй половины XIX в. Итоги столкновения существенно изменили политическую карту Балкан: Болгария получила политическую автономию, Сербия, Черногория и Румыния — независимость от Османской империи. Влияние России в данном регионе усилилось, а небывалый общественный подъем, возникший в нашей стране накануне и в годы войны, не мог не отразиться на внутренней жизни государства.

За прошедшие 140 лет война не была обделена вниманием исследователей. Уже в 1879 г. при Главном штабе Военного министерства была создана Военно-историческая комиссия по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая внесла серьезный вклад в изучение военной стороны событий. До 1913 г. комиссия подготовила и издала многотомный «Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове»¹, а также фундаментальное обобщающее 9-томное исследование «Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове», сопровождаемое не подлежащим оглашению «Особым прибавлением» (сборником документов

¹ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 97 вып. СПб., 1898–1911.

в 6 выпусках)¹. Всего же, по подсчетам В. А. Золотарева, дореволюционная историография создала более 200 военно-исторических работ по теме, подробно освещающих ход боевых действий и состояние русской армии².

При этом в изучении общественного мнения в России по отношению к Восточному кризису середины 1870-х гг., а также участия в войне 1877–1878 гг. различных слоев и групп русского общества, в дореволюционный период были сделаны лишь первые шаги. Среди немногочисленных трудов, в которых рассматриваются отдельные аспекты этой проблемы, следует отметить книгу П. А. Илинского о деятельности российских женщин (сестер милосердия, фельдшерниц и врачей)³, а также статьи В. А. Апушкина, К. Кузьминского и А. И. Дьяченко о работе военных корреспондентов⁴. Статья В. Богучарского «Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии», посвященная в основном революционному народничеству, интересна тем, что в ней сочувствие русского общества южным славянам впервые было названо одной из основных причин открытия военных действий⁵. Наличие в России широкого общественного движения в поддержку нацио-

¹ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 9 т. СПб., 1901–1913.

² Золотарев В. А. Некоторые проблемы отечественной историографии русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Л., 1976. С. 5; см., например: Пузыревский А. К. Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., 1887; Зайончковский А. М. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной и Шейново. СПб., 1893; Домонтович М. А. Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900; Епанчин Н. А. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902; Гейсман П. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции: в 2 вып. СПб., 1906; Колубакин Б. Русско-турецкая война 1877–1878 г. на Кавказе и в Малой Азии: в 2 ч. СПб., 1906; Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Русско-турецкая война 1877–1878 годов. СПб., 1910; и др.

³ Илинский П. А. Русская женщина в войну 1877–1878 г. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. СПб., 1879.

⁴ Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7–8, 10–12; 1903. № 1–6; Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. С. 114–130; Дьяченко А. И. Военная пресса. Пути и перепутья военной прессы. Военная печать в ее настоящем. Военные отделы в общей прессе // Военный мир. 1914. № 1. С. 86–94.

⁵ Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. 1911. № 3.

нально-освободительной борьбы балканских народов, а затем — начатой правительством войны кратко отмечалось также в трудах А. А. Корнилова и С. С. Татищева, дающих общую характеристику правления императора Александра II¹.

В советское время активно продолжалось изучение военной стороны рассматриваемых событий. Вышли обобщающие труды П. К. Фортунатова, Н. И. Беляева, В. И. Виноградова, Л. И. Нарочницкой и др.²

В то же время в советской исторической науке начал разрабатываться и вопрос об отношении различных слоев русского общества к национально-освободительной борьбе южных славян середины 1870-х гг. и к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Во второй половине 1940-х — первой половине 1960-х гг. по этой проблематике были защищены кандидатские диссертации И. В. Козьменко, П. Я. Мирошниченко, Н. П. Подлесного и докторская диссертация Н. Н. Яковлева³. В первых трех работах было проанализировано отношение к событиям на Балканах 1875–1878 гг. российских консерваторов, либералов, народников и трудящихся масс; в четвертой основное внимание было уделено русскому добровольческому движению 1876 г. как «основной форме помощи славянам в борьбе за их освобождение», а также подвигам русских солдат и офицеров во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Необходимо отметить, что существовавшее в советской историографии разделение русского общества XIX в.

¹ *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909; *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911.

² *Фортунатов П. К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 г. М., 1956; *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1979; и др.

³ *Козьменко И. В.* Болгарский вопрос и русское общество в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1945; *Мирошниченко П. Я.* Отношение русского общества к балканским событиям 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1946; *Подлесный Н. П.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и общественное мнение России: дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1963; *Яковлев Н. Н.* Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян 1876–1878 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964.

на консервативный, либеральный и революционно-демократический лагеря, а также господствовавшая в стране атеистическая идеология привели к тому, что как в указанных сочинениях, так и практически во всех последовавших за ними исследованиях по обозначенной теме не нашлось места ни отдельным представителям духовенства, ни в целом Русской Православной Церкви.

С. А. Никитин, глубоко и комплексно исследовавший деятельность Славянских комитетов в 1858–1876 гг., отметил, что во время Восточного кризиса они сотрудничали с православным духовенством, а значительная часть пожертвований в пользу жертв восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии была собрана в храмах, однако дальнейшего развития этот тезис в его работе не получил¹. С. А. Никитин убедительно показал, что в 1875–1876 гг. Славянские комитеты, по сути, проводили самостоятельную «внешнюю политику», призванную подтолкнуть императора к решению Восточного вопроса вооруженным путем, тем самым опровергнув мнение К. А. Пушкаревича, согласно которому комитеты лишь выполняли правительственный заказ, маскируя свою деятельность благотворительностью, а правительство развязало войну с Портой ради возвращения позиций России, потерянных в Крымской войне².

Одним из наиболее приоритетных направлений в советской историографии было изучение связей национально-освободительного движения на Балканах 1875–1878 гг. и русского революционного народничества³. В конце 1970-х — начале 1980-х гг.

¹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.

² Пушкаревич К. А. Балканские славяне и русские «освободители» (Славянские комитеты и события на Балканах перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.) // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Вып. 2. Л., 1934. С. 189–229.

³ Поглубко К. А. Распространение революционной литературы среди русских войск на Балканах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Юбилей дружбы. Сборник статей, посвященных 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев, 1969. С. 37–53; Гросул В. Я. Российские революционеры в сербско-черногорско-турецкой войне 1876 г. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы / Балканские исследования. Вып. 4. М., 1978. С. 76–93; он же. Революционная Россия и освободительное движение на Балканах в 70-х годах XIX в. // Новая и новейшая история. 1978. № 2; он же. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; и др.

вышел целый ряд статей, с разной степенью полноты освещающих общественный подъем в России накануне и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹, однако роль православного духовенства в происходивших событиях по-прежнему оставалась вне поля зрения исследователей.

Вообще из советских историков, занимавшихся изучением российского общественного движения в годы Восточного кризиса, лишь О. А. Яковлев уделил некоторое внимание участию в нем Русской Церкви. Однако в своей кандидатской диссертации «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество» (М., 1980) он ограничился в основном подсчетом пожертвований, сделанных духовенством на военные нужды. При этом исследователь пришел к выводу, что сумма этих пожертвований «оказалась не столь велика, как можно было предположить», ибо «Церковь в России располагала огромными материальными средствами»².

С. А. Кочуков, избравший сходную тему для докторской диссертации и монографии через 32 года после защиты О. А. Яковлева, Церкви отвел в своих работах немногим больше места, чем его предшественник³. Он повторил данные о пожертвованиях духовенства, а также констатировал, что, помимо этого, «представители Церкви участвовали непосредственно в войне в качестве полковых священников» и нередко работали в госпиталях и лазаретах, «оказывая помощь врачебному и сестринскому персоналу», но в подтверждение и развитие этих положений привел очень мало

¹ Орлик О. В. Представители прогрессивной интеллигенции России — участники русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 79–95; Хевролина В. М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 21–33; Цимбаев Н. И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 154–189; Нарочницкая Л. И. Национально-освободительные движения на Балканском полуострове и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. Вып. 7. М., 1987; и др.

² Яковлев О. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 13.

³ Кочуков С. А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2012; *он же*. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

фактического материала и не представил практически никакой статистики. При этом исследователь отметил, что участие Церкви в войне 1877–1878 гг. было «самым активным», а ее служители в это время «вливали на формирование русского общественного мнения не меньше, чем пресса»¹. Гораздо глубже автор проработал вопросы, связанные с освещением войны в русской периодической печати, деятельностью Славянских комитетов, отношением к военным действиям правящей элиты и русского офицерского корпуса.

В постсоветский период деятельность духовенства во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в той или иной мере затрагивалась в некоторых работах по истории Русской Православной Церкви. К. Е. Скурат в обширной статье, основанной главным образом на материалах церковной периодики, дал общую характеристику роли Русской Церкви в освобождении балканских народов от османского ига, а затем от фашистских оккупантов, уделив значительное внимание событиям Восточного кризиса 1870-х гг.² И. А. Курляндский, опираясь на богатую источниковую базу (в том числе неопубликованные документы ряда архивов), в статье и в одной из глав монографии проанализировал участие митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) в «славянском движении» 1870-х гг. (его сотрудничество с Московским славянским комитетом, создание в Москве Сербского подворья и приюта для девочек-славянок в Алексеевском женском монастыре), а также меры, принятые властью для оказания помощи раненым и больным воинам русской армии во время войны 1877–1878 гг.³ Е. Б. Емченко в коллективной монографии «Женщина в православии» остановилась на благотворительной деятельности женских монастырей, направленной в годы противоборства с Османской империей на военные нужды⁴.

¹ Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. С. 325–335.

² Скурат К. Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 120–174.

³ Курляндский И. А. Митрополит Иннокентий и помощь братским славянским православным народам, страдающим от турецкого ига // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 61–68; он же. Иннокентий (Вениаминов) — митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 241–266.

⁴ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 290–294.

Единственной специальной работой по поднятой нами проблеме является недавно защищенная кандидатская диссертация С. В. Архипова «Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.» (М., 2016), однако и она не закрывает тему. Автор ввел в научный оборот довольно значительное количество новых архивных документов, однако ограничился рассмотрением сравнительно узкого круга вопросов. Ими стали в основном благотворительная деятельность православного духовенства в 1875–1878 гг. (традиционно понимаемая им главным образом как пожертвования в пользу славян и раненых русских воинов), освещение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в газете «Московские епархиальные ведомости» и история сооружения Памятника героям Плевны. Целый ряд важных вопросов, имеющих непосредственное отношение к теме исследования, он либо оставил в стороне, либо затронул мимоходом. Кроме того, существенными недостатками работы являются, на наш взгляд, достаточно сумбурное и слишком эмоциональное изложение материала, а также слабое понимание автором церковно-политических реалий рассматриваемого исторического периода (отметим, в частности, его утверждение, что ради «помощи страдающему болгарскому народу» Русская Церковь якобы готова была разорвать отношения с Константинопольским Патриархатом)¹.

Необходимо отметить и то, что в подавляющем большинстве исследований, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., как правило, не прослеживается ее связь с церковно-политическими событиями, происходившими на Балканах и Ближнем Востоке в конце 1850-х — начале 1870-х гг. Борьба болгарского народа за церковную независимость, ставшая первым этапом его национально-освободительного движения, и русская политика в греко-болгарском церковном споре рассматривались лишь в трудах исследователей международных отношений, причем с явным уклоном в сторону действий светской дипломатии². Между тем

¹ Архипов С. В. Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 21.

² Филиппов Т. И. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. СПб., 1870; Теплов В. А. Греко-болгарский церковный вопрос по неизвестным источникам. СПб., 1889; Дмитриевский А. А. Граф Н. П. Игнатъев как

вовлеченность российского Святейшего Синода в попытки мирного урегулирования греко-болгарской церковной распри, а также решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы оказали существенное влияние на взаимоотношения Русской Церкви, Константинопольского Патриархата и Болгарского экзархата во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Наконец, указанные церковно-политические события на Балканах способствовали росту в российском обществе панславистских настроений, особенно усилившихся в годы Восточного кризиса.

В зарубежной историографии наибольший вклад в изучение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. внесли болгарские исследователи. Особой популярностью среди них эта тема стала пользоваться после Второй мировой войны, когда Болгария была освобождена вторично, теперь уже от германско-фашистских захватчиков. Для многих работ (Г. Георгиева, В. Топалова, Г. Димитрова, Ц. Симеонова, Л. Дойчева, Ц. Генова, М. Маринова, Х. Узунова и др.), вышедших в 1950–1970-е гг., характерно освещение военных событий на Балканах 1877–1878 гг. как акта боевого содружества русской армии и Болгарского ополчения¹. Неоднократно затрагивался в болгарской исторической науке и вклад в освобождение Болгарии различных представителей русского общества: в частности, Н. Бошнаков посвятил свое исследование известной русской сестре милосердия баронессе Ю. П. Вревской, погибшей на болгарской земле²; Ц. Генов

церковно-политический деятель на православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архим. Антонину Капустину). СПб., 1909; *Лилуашвили К. С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978; *Герд А. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006; *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009; и др.

¹ *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на Освободителната война, 1877–1878: (Преглед на военните действия). София, 1958; *Димитров Г. Г.* Руско-българската бойна дружба през Освободителната война, 1877–1878 г. София, 1958; *Симеонов Ц. Р.* Блокада и освобождение на Плевен (13.09–10.12.1877 г.). Плевен, 1960; *Дойчев А.* Манифестът на свободата. София, 1967; *Генов Ц.* Русско-турецката война 1877–1878 г. и подвиг освободителей. София, 1979; *Маринов М., Узунов Х.* Руско-турската Освободителната война. София, 1978; и др.

² *Бошнаков Н.* Юлия Петровна Вревская 1841–1878 гг. Плевен, 1958.

и Й. Митев рассмотрели историю знаменитого Самарского знамени — священного символа единства и духовности двух славянских народов¹. К 100-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Софии вышел сборник статей советских и болгарских авторов «Освобождение Болгарии и русское общество»². Для поднятой нами церковно-исторической проблемы значительный интерес представляют работы, посвященные борьбе болгарского народа за церковную и национальную независимость, а также истории Болгарского экзархата в 1870-х гг. Среди них особо следует выделить труды патриарха Болгарского Кирилла и работы современных исследовательниц З. Марковой и В. П. Боневой, которые основаны на богатой источниковой базе³.

В англо-американской историографии Русско-турецкая война 1877–1878 гг. рассматривается главным образом с военной и дипломатической сторон (причем нередко — как проявление вооруженной экспансии России на Балканах)⁴; вопрос об отношении к происходившим событиям российского общества и, в частности, Русской Церкви в ней не поднимается.

Турецкие исследователи войны 1877–1878 гг., как правило, детально прорабатывают ход боевых действий на Балканском полуострове и на Кавказе, при этом в ряде работ признается религиозный характер противостояния Российской и Османской империй⁵.

¹ *Генов Ц.* Осветяването на Самарското знаме в гр. Плоещ през 1877 г. 6 май и славата на българските опълченци и поборници. София, 1958; *Митев Й.* Пътят на Самарското знаме. София, 1962.

² Освобождението на България и руската общественост / *Летопис на дружбата.* Т. 6. София, 1977.

³ *Кирил, патр. Български.* Паисий, митрополит Пловдивски, в църковно-народната борба, 1810–1872. Пловдив, 1948; *он же.* Панарет, митрополит Пловдивски (1805–1883). София, 1950; *он же.* Екзарх Антим (1816–1888). София, 1956; *он же.* Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; *она же.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Бонева В. П.* Българското църковнонационално движение. 1856–1870. Велико Търново, 2010.

⁴ *Baker V.* War in Bulgaria: a narrative of personal experiences. 2 vol. London, 1879; *Sumner B. H.* Russia and the Balkans, 1870–1880. Oxford, 1937; *MacKenzie D.* The Serbs and Russian Pan-slavism. 1875–1878. New York, 1967; и др.

⁵ *Rüştü Halil.* 1877–1878 Osmanlı-Rus Seferinde Osmanlı kumandanları. İstanbul, 1914; *Ziya Şakir.* İkinci Sultan Hamit. Şahsiyeti ve Hususiyetleri. İstanbul, 1943; и др.

Таким образом, исходя из состояния отечественной и зарубежной историографии, приходится констатировать, что роль Русской Православной Церкви в борьбе России с Османской империей в 1877–1878 гг. изучена недостаточно. Попытаться восполнить этот пробел и призвана настоящая монография. В ней поднимаются и на широкой архивно-документальной базе рассматриваются проблемы: церковно-политические предпосылки Русско-турецкой войны (православный фактор русской политики на Балканах), в том числе попытки русской церковной и светской дипломатии урегулировать греко-болгарскую церковную распрю; место и роль духовного сословия в российском общественном подъеме на начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876 гг.); официальная позиция Русской Церкви по отношению к начавшейся войне, нашедшая отражение в соответствующей церковной проповеди; меры, принятые Святейшим Синодом в связи с военными нуждами; взаимодействие Церкви с Обществом попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. — Российское общество Красного Креста); деятельность общин сестер милосердия; всесторонняя помощь раненым со стороны православных обитателей России; положение в годы противостояния Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне; роль военного духовенства в регулярной армии; отражение войны 1877–1878 гг. (в том числе восприятие «братьев-славян») в записках полковых священников; взаимоотношения во время похода русского армейского духовенства с болгарскими и греческими священнослужителями; новый диалог между Константинопольской Патриархией и российским Святейшим Синодом по поводу болгарской схизмы в 1878–1879 гг.; реакция русского общества на итоги войны (Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский трактат); церковные памятники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Отдельные аспекты темы были рассмотрены нами ранее в ряде статей, опубликованных в 2015–2019 гг.¹

¹ Мельникова Л. В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58; она же. Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 28–45; она же. Болгария и болгары глазами полковых священников — участников Русско-

Источниковая база исследования может быть условно поделена на две большие группы. Прежде всего, это архивные материалы. В работе используется более 100 единиц хранения из 17 фондов 6 центральных архивохранилищ России.

Основными источниками по возникновению и развитию греко-болгарского церковного спора и национально-освободительного движения на Балканах являются документы Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), отложившиеся в фондах: Отчеты МИД России (ф. 137), Канцелярия министра иностранных дел (ф. 133), Посольство в Константинополе (ф. 180), Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку. Санкт-Петербургский Главный архив, V-A 2 (ф. 161/1). В них содержатся годовые отчеты Министерства иностранных дел, доклады государственного канцлера князя А. М. Горчакова императору Александру II, переписка российских дипломатов по рассматриваемым проблемам, взаимные послания Константинопольской Патриархии

турецкой войны 1877–1878 гг. // Церковь в истории России. Вып. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2016. С. 244–257; *она же*. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161; *она же*. Военное духовенство России во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2019. (Серия «Калужские страницы»). С. 35–39; *она же*. «За братьев славян!»: Церковь, общество и государственная власть Российской империи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2019. С. 262–275; *она же*. Император Александр II и создание Российского общества Красного Креста // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие. Сборник научных трудов. Сер. «Сборники Президентской библиотеки. Электронный архив» / науч. ред. Н. В. Дунаева, С. Г. Кашенко. 2019. С. 226–238; *она же*. Позиция МИДа и Синода по греко-болгарскому вопросу в ходе и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: новая дискуссия с Константинопольским Патриархатом // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи / Материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж. 3–4 октября 2019 г. Под ред. С. Ю. Житенева, К. А. Ваха. М., 2019. С. 361–372; *она же*. Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Многогранный талант историка: памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2019. С. 181–196; *она же*. Русская Православная Церковь в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 280–300.

и российского Святейшего Синода по греко-болгарскому вопросу, переписка А. Н. Муравьева с восточными иерархами, материалы, касающиеся жалоб греческого духовенства на притеснения со стороны болгар, совершаемые во время войны 1877–1878 гг. якобы при попустительстве русской администрации.

Основной комплекс документов, касающихся непосредственной деятельности Русской Православной Церкви в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., сосредоточен в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах: Канцелярия Святейшего Синода (ф. 796), Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода (ф. 797), Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства (ф. 806). Это указы Святейшего Синода, годовые отчеты обер-прокурора Святейшего Синода императору, всеподданнейшие доклады обер-прокурора Синода по различным вопросам, рапорты епархиальных архиереев Святейшему Синоду об обнаружении правительственных материалов и о положении дел на местах, послужные списки военного духовенства, приказы о награждениях священнослужителей за отличия, проявленные во время военных действий, материалы о сборе духовенством денежных средств на военные нужды и др. Значительный интерес представляют документы, отражающие конфликт, возникший в 1878–1879 гг. между Константинопольской Патриархией и российским Святейшим Синодом по поводу совместных богослужений русских армейских священников с болгарским духовенством. В РГИА нами проработан также фонд Комитета по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 гг., при Синоде (ф. 819), содержащий отчеты и протоколы заседаний Комитета, переписку его членов с разными лицами и организациями по вопросу о постройке храма-памятника Рождества Христова на Шипке.

Существенный пласт документов по теме хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). В фонде Военно-ученого архива (ф. 846. ВУА) встречаются интересные документы о деятельности военного духовенства, а также письма и дневники участников похода, в которых отразились отношение авторов к происходившим событиям и их впечатления от

увиденного на Балканах. Фонд Главного управления Российского общества Красного Креста (ф. 12651) содержит делопроизводственную документацию (протоколы, отчеты и др.) Общества попечения о раненых и больных воинах и общин сестер милосердия, а также переписку этих организаций с различными властными структурами (в том числе Военным министерством и Святейшим Синодом).

Материалы, отражающие меры, принятые духовенством Московской епархии в связи с военными нуждами, представлены в фонде Московской духовной консистории (ф. 203) Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы).

В фондах: Троице-Сергиева лавра (ф. 1204) и Николаевский Угрешский мужской монастырь (ф. 1205) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) отложились документы, показывающие устройство и работу военно-временных госпиталей, учрежденных в этих обителях по их инициативе и на их средства. Фонд Чудова мужского монастыря (ф. 1207) того же архива содержит материалы о пожертвованиях на нужды славян и раненых русских воинов со стороны московских монастырей и благочиний (их сбором, по поручению митрополита Московского Иннокентия, занимался наместник обители архимандрит Вениамин).

Наконец, важный для исследуемой проблемы комплекс документов сосредоточен в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фондах: Игнатьев Николай Павлович (ф. 730), Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (ф. 109) и Московский славянский благотворительный комитет (ф. 1750). Документы из личного фонда Н. П. Игнатьева (его записки и частная переписка) существенно дополняют дипломатическую корреспонденцию графа, хранящуюся в АВП РИ. Секретная переписка начальников губернских жандармских управлений с помощником шефа жандармов Н. В. Мезенцовым, агентурные донесения, коллекция перлюстрированных III отделением СЕИВК писем, а также делопроизводственная документация Московского славянского комитета отражают роль духовенства в российском «славянском движении» середины 1870-х гг.

Вторую группу источников составляют многочисленные опубликованные материалы. Важное место среди них занимают

тематические сборники документов. Помимо упомянутого выше многотомного «Сборника материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове», изданного Военно-исторической комиссией в 1898–1911 гг., к ним относятся фундаментальное трехтомное издание «Освобождение Болгарии от турецкого ига», осуществленное в 1961–1967 гг. совместно Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории Болгарской АН¹, и сборник «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878», подготовленный к 100-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Институтом истории СССР АН СССР². В трехтомном издании опубликовано более тысячи документов, извлеченных из нескольких сотен фондов нескольких десятков центральных и региональных архивов России и Болгарии (в то время — СССР и НРБ). Многие из них отражают отношение русского общества к национально-освободительной борьбе южных славян, русско-болгарские связи, участие различных общественных слоев России в «славянском движении» 1875–1876 гг. и войне 1877–1878 гг. Небольшая часть этих документов непосредственно касается деятельности русского православного духовенства, взаимоотношений Русской и Болгарской Церквей. В юбилейный сборник включены 315 документов из 9 центральных архивов СССР, которые не дублируют трехтомную советско-болгарскую публикацию, а дополняют ее новыми данными.

Значительный интерес для темы нашего исследования представляют также сборники документов по истории Болгарского экзархата в 1870-е гг., изданные в Болгарии³.

Ценным комплексом опубликованных источников являются документы личного происхождения — письма, воспоминания, дневники очевидцев и участников событий. Среди них довольно содержательны личные материалы русских дипломатов и государ-

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / под ред. С. И. Никитина и др. М., 1961–1967.

² Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 / отв. ред. А. Д. Нарочницкий. М., 1978.

³ Българската Православна Църква и освобождението на България от Османско робство. Документален сборник по случай 110-години от Освобождението. София, 1989; Българската екзархия: сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». София, 2003.

ственных деятелей (записки Н. П. Игнатьева, дневник Д. А. Милютин и др.)¹, еще более информативны мемуары и эпистолярное наследие непосредственных участников похода: полковых священников, офицеров русской армии, врачей и медицинских сестер².

Большой массив материала по различным аспектам войны содержится также в периодических изданиях, как церковных, так и светских. Чрезвычайно важны публикации «Церковного вестника» — официального печатного органа Святейшего Синода. Они включают в себя постановления Синода, речи и проповеди церковных иерархов и приходских священников, письма в редакцию представителей духовенства разных епархий, сведения о пожертвованиях на нужды славян и раненых русских воинов, военную хронику и многое другое. Широко использовались также региональные «Епархиальные ведомости» и центральные светские периодические издания.

Монография выполнена в Центре истории религии и Церкви Института российской истории РАН. Автор сердечно признателен своим коллегам за помощь и поддержку, оказанные в процессе работы над книгой.

¹ Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / издание подготовили О. В. Анисимов, К. А. Вах; отв. ред. П. В. Стегний. М., 2015; Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878 / под ред. А. Г. Захаровой. М., 2009; и др.

² См., например: Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007; Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 125–129; № 8. С. 147–151; [Лебедев А.] Путевые наблюдения и заметки во время последней турецкой войны. Из походного дневника полкового священника Анатолия Лебедева. СПб., 1878; Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–78 гг. СПб., 1908; [Волков А. А.] Война 1877–78: Записки унтер-офицера А. В. СПб., 1902; [Боткина С. П.] Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893; Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. // Русский вестник. 1879. Т. 139. № 2. С. 553–601; Арндт С. А. Воспоминания сестры милосердия. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7. С. 85–122; № 8. С. 377–418; Духонина Е. В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. М., 1894; Не смолкнет эхо над Балканами. Воспоминания. Письма. Публицистика. Статьи. М., 1988; Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001; и др.

Глава I

Отношение к войне и ратному служению в русской православной традиции

В истории России на протяжении столетий Церковь в той или иной форме принимала активное участие во всех проводимых государством военных столкновениях, а церковные вопросы занимали важное место во внешней политике страны и неоднократно оказывались в ряду причин, вызвавших начало военных конфликтов. Это определялось исторической связью церковной и монархической властей и центральным значением православия в духовной жизни народа: как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь так или иначе всегда была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности: социально-политическую, культурно-просветительскую, внешнеполитическую и военную. Прежде всего это относится к синодальному периоду, когда церковное ведомство фактически представляло собой одно из министерств, тесно связанное с другими государственными институтами общими задачами и приоритетами.

Православная вера традиционно являлась основой национальных особенностей ратного служения. Она санкционировала и определяла правомерность и праведность применения вооруженной силы, а также нормы поведения и духовный облик российского воинства. Наиболее тесными взаимоотношения Церкви и армии стали с конца XVII — начала XVIII в., когда возникло ведомство военного и морского духовенства, принявшее на себя задачи не только духовного окормления, но и религиозно-патриотического воспитания воинских чинов. Для того чтобы конкретно

прояснить каноническую и практическую позицию Православной Церкви по вопросам войны и воинской службы, сделаем небольшой исторический и историко-богословский экскурс.

С христианской точки зрения, война — это зло, следствие греха, физическое проявление скрытого духовного недуга человечества — братоубийственной ненависти (Быт. 4, 3-12). Согласно Ветхому Завету, войны сопровождают историю человечества с момента убийства Авеля его братом Каином (Быт. 4, 8), и, согласно Евангелию, будут сопровождать ее и далее. Так, Христос дал понять своим ученикам, что будет пролито еще много крови до осуществления Царства Божия: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10, 34). «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24, 6-7).

Разумеется, Библия и христианство учат не вражде и войне, а миру и любви. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», — говорит Христос в Нагорной проповеди (Мф. 5, 9). Широко известны слова Спасителя: «Не убий!», «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» (Мф. 5, 39-40), «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Мф. 5, 44). На приведенных положениях Нагорной проповеди основано, в частности, учение «О непротавлении злу насилем» Л. Н. Толстого. Однако, критикуя это учение, И. А. Ильин справедливо обратил внимание на то, что в своей проповеди Христос определил отношение человека к его *личным* врагам, *личным* обидам и *личному* имуществу¹. «Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливостей или подчинению злодеям в вопросах добра и духа, — пишет философ, — было бы противосмысленно

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 79, 81.

и противоестественно. Разве предать слабого злодею — значит проявить кротость? Или человек волен подставлять нападающему и *чужую* щеку? ...Или предоставлять злодеям свободу надругиваться над храмами, насаждать безбожие и губить родину — значит быть кротким и щедрым? И Христос призывал к *такой* кротости и к *такой* щедрости, которые равносильны лицемерной праведности и соучастию со злодеями?»¹. «Христос никогда не призывал любить врагов *Божиих*, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, ... заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству. Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения, и угрозу суровым возмездием»² (Мф. 23, 13; Мф. 18, 34-35).

Христос снес терновый венец, относившийся к нему лично. Однако, увидев торгашей, оскверняющих храм, он свил бич из веревок и выгнал их вон (Мф. 21, 12-13; Лк. 19, 45-46). Следовательно, по Евангелию, человек не должен противиться злобствованиям ближнего, если это относится лично к нему. Но если этот ближний посягает на высшие ценности — воспротивиться ему не только можно, но и должно.

Когда Петр, защищая своего Учителя в Гефсиманском саду, извлек меч и отсек правое ухо одному из архиерейских слуг, Христос сказал ему: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Христос не захотел для себя воинствующей обороны и дал понять апостолам, что меч не их дело. (Спаситель должен был принести добровольную искупительную жертву, а не утвердить свою власть на земле принудительными средствами.) Однако на суде у Понтия Пилата Христос произнес слова: «Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18, 36). Несомненно, речь здесь идет о том, что противление силой, военное выступление «служителей» за своего «царя» — явление абсолютно нормальное для «царств мира сего», то есть для земных царств.

Ни в Евангелии, ни в апостольских посланиях не содержится категорического запрещения войны и военной службы для хри-

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. С. 81.

² Там же. С. 79.

стиан. Напротив, когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, — он заповедал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лк. 3, 14). Предтеча не указал им бросить военную службу, как негодную Богу, не запретил ее и не отнесся к ней с порицанием. Христос, заочно исцеливший слугу капернаумского сотника по его просьбе и восхитившийся его верой, не сделал ему замечания, что его военные занятия служат препятствием к дальнейшему нравственному совершенствованию (Мт. 8, 5-13). Следовательно, Спаситель не считал, что сотник стоит на ложном пути. А заповедь апостола Павла «каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 Кор. 7, 20) предполагает указание христианам-воинам оставаться в своем воинском звании и исполнять боевые обязанности.

А. Карашев отмечает, что «Священное Писание, требуя от последователей новозаветного учения любовного, братского отношения ко всем людям, не заповедует мира во что бы то ни стало», но говорит устами апостола Павла: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18), «то есть будьте мирны, но не в ущерб истине и благочестию»¹.

Дело в том, что христианство — это духовный идеал. Его требования неограниченны и ведут к постепенному внутреннему самосовершенствованию человека. Конечно, если бы все люди стали истинными христианами, проникнутыми всеобъемлющей любовью к ближним, на земле наступила бы идеальная жизнь, в которой не было бы места войне. Тогда исполнились бы слова пророка Исаии: «Люди перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 4). Но такой идеал не существовал во времена Христа, не был достигнут он и впоследствии, несмотря на распространение нового учения у многих народов. Поэтому христианство, будучи чисто духовной религией, хотя прямо и не решает государственных вопросов, но все же не отстраняется полностью от реальной земной жизни. Оно не предписывает своим последователям войны, но и прямо, безусловно ее не запре-

¹ Карашев А. Отношение христиан первых трех веков (до Константина Великого) к военной службе // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 17. С. 608.

щает. Считая войну несомненным бедствием и злом, христианство все же допускает ее как вынужденное, крайнее средство защиты добра (в том числе во имя защиты мира и спасения людей). Ради этой высокой цели можно брать в руки оружие и рисковать собственной жизнью, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Однако убийство противника на войне вступает при этом в противоречие с одной из главных заповедей христианства: «Не убий!» Поэтому с первых веков своего существования христианская Церковь старалась разрешить сложившееся противоречие. Церковные каноны — постановления Вселенских и Поместных Соборов, правила святых апостолов и святых отцов, — признавая убийство одним из главных грехов и осуждая совершивших его на отлучение от причастия от 10 до 20 лет, делали все же существенные исключения для воинов, убивших противника на войне.

Среди церковных канонов непосредственное отношение к убийству на войне имеют главным образом 8-е и 13-е правила святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, изложенные в его канонических посланиях к Амфилохию, епископу Иконийскому (IV в.).

В 8-м правиле Василий Великий, характеризуя вольные (преднамеренные) и невольные (непреднамеренные) убийства, относит убийство на войне к вольным убийствам: «Совершенно такожде вольное, и в сем никакому сомнению не подлежащее есть то, что делается разбойниками и в неприятельских нашествиях: ибо разбойники убивают ради денег, избегая обличения в злодеянии, а находящиеся на войне идут на поражение сопротивных, с явным намерением не уstrasити, ниже вразумити, но истребити оных»¹.

13-е правило гласит: «Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовати, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо Святых тайн»². Византийские толкователи XII в. Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон обращают внимание

¹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. (Репринт с издания 1876 г.) М., 2000. С. 185.

² Там же. С. 211.

на то, что данное правило предлагается святым «не в виде обязательного предписания, а в виде совета». Более того, они считают, что предложение это «никогда не действовало», так как в случае его выполнения воины, «находясь постоянно на войне и убивая неприятелей», вообще «никогда не будут причащаться», что для христианина невыносимо¹. Зонара в своем толковании даже подвергает сомнению правильность фразы Василия Великого о «нечистых руках» воинов: «Зачем считать имеющими нечистые руки тех, которые подвизаются за государство и за братьев, чтобы они не были захвачены неприятелями, или чтобы освободить тех, которые находятся в плену? Ибо если они будут бояться убивать варваров, чтобы чрез это не осквернить своих рук, то все погибнет, и варвары всем овладеют. Ввиду этого и древние отцы, как свидетельствует сам Василий Великий, не причисляли к убийцам тех, которые убивают на войне, извиняя их как поборников целомудрия и благочестия; ибо если будут господствовать варвары, то не будет ни благочестия, ни целомудрия: благочестие они отвергнут, чтобы утвердить собственную религию; а в целомудрии никому не будет дозволено подвизаться, так как все будут принуждены жить так, как они живут»². В подтверждение правоты своих слов Зонара ссылается на «Послание святого Афанасия Великого (архиепископа Александрийского) к Аммуну монаху». Об убийстве на войне в этом послании говорится следующее: «Ибо и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам, например, не позволено убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные во брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния»³.

Впоследствии к 13-му правилу Василия Великого было сделано примечание: «См. послание Св. Афанасия к Аммуну монаху. Валсамон и Зонар согласно замечают, что предполагаемый Св. Василием совет вообще не был употребляем в действие, как по неудобности, так и по уважениям, в начале сего же правила

¹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. С. 211–212.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 114–115.

изложенным»¹. Текст этого примечания, безусловно, снижает строгость правила и дает негласное разрешение на необязательность его применения на практике.

83-е правило святых апостолов запрещало дьяконам, священникам и епископам заниматься воинскими делами: «Епископ, или пресвитер, или дьякон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть Римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина. Ибо Кесарева Кесареви, и Божия Богови»².

Толкователи Зонара и Вальсамон отмечают, что под «воинским делом» данное правило подразумевает не непосредственное ношение и употребление оружия, что «совершенно запрещено» 7-м правилом Халкидонского Собора, а выполнение в армии каких-либо административных полномочий (например, осуществление набора в войска, раздачу воинам жалованья или провианта и т. д.), поскольку священники не должны заниматься мирскими делами. Кроме того, толкователи указывают, что «извержению из священного чина» занимающийся воинскими делами подлежит не в любом случае, а «если после вразумления не перестанет»³.

Вышеупомянутое 7-е правило IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451 г.) грозило проклятием священникам и монахам, которые поступают на воинскую службу: «Вчиненным единожды в клир, и монахам, определили мы не вступати ни в воинскую службу, ни в мирский чин: иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме»⁴. Наличие в правиле оговорки «не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога» неоспоримо указывает на то, что анафеме подлежат только те священники и монахи, вступившие в военную службу, которые отказались раскаяться в этом и вернуться к прежней жизни. Обратим также внимание на то, что ни в тексте правила, ни в толкованиях на него речь не идет о том, что священник, став-

¹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. С. 210.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 167.

⁴ Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. (Репринт с издания 1877 г.) М., 2000. С. 174–175.

ший воином, совершил (или мог совершить) убийство. Более того, Вальсамон отмечает, что в данном случае анафеме посвященный предается за то, что «сложил священную одежду и воинствовал из желания мирского достоинства»¹. Правильность толкования Вальсамона подтверждают слова самого правила о запрещении священникам и монахам вступать не только в воинскую службу, но и в мирской чин.

Таким образом, 83-е правило святых апостолов и 7-е правило Халкидонского Собора не содержат какого-либо осуждения войны или воинской службы. Они просто запрещают священникам заниматься воинскими делами, которые входят в категорию мирских дел, запрещенных священнослужителям и другими апостольскими правилами.

Е. В. Белякова отмечает, что в Византии известны случаи отлучения священников за участие в вооруженном сопротивлении мусульманам². Однако необходимо сказать, что существовали и противоположные случаи. Такой пример мы находим в толковании Вальсамона к 13-му правилу Василия Великого. Здесь рассказывается о попытке императора Никифора II Фоки в 963 г. провести закон, по которому убитые на войне солдаты объявлялись бы мучениками. (Этот вопрос возник в связи со столкновением Византии с мусульманами. Учение ислама о «священной войне» и о том, что убитые воины попадают прямо в рай, оказывало воздействие и на христиан.) Архиепиеи отказали императору, сославшись на данное правило: «Каким образом мы причислим к мученикам павших на войне, которых Василий Великий на трехлетие устранил от таинств, как имеющих нечистые руки?» «Когда же, — пишет Вальсамон, — по царскому приказанию, предстали пред собором различные священники, а также и некоторые епископы, и признались, что они участвовали в битве с неприятелями и убили многих из них, то божественный и священный собор, следуя настоящему правилу и другим божественным постанов-

¹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. С. 176.

² Белякова Е. В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий / отв. ред. Е. А. Рудницкая. М., 2003. С. 54.

лениям, хотел, чтобы они более не священнодействовали; но большинство и особенно те, которые были более воинственны, настояли на том, что они даже достойны наград»¹.

Впоследствии были приняты каноны, прямо запрещающие священникам, убившим на войне, священнодействовать, а также лицам, совершавшим прежде убийства, становиться священниками. Так, определение Владимирского собора 1274 г. предписывало о кандидате в священники узнавать при свидетелях, хорошо знающих претендента, насколько безгрешной была его прежняя жизнь. Убийство, вольное или невольное, наряду с другими грехами (содомским блудом, прелюбодеянием, участием в разбое, в колдовстве, в издевательствах над челядью), являлось препятствием к поставлению. Виновный хотя бы в одном из вышеперечисленных грехов не мог стать ни попом, ни дьяконом, ни причетником². А в ответах Константинопольского собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста (1276 г.) говорится о том, что убивший на войне священник не может продолжать службу: «Вопрос. Аще поп на рати человека убьет, лзе ли ему потом служити? Ответ. Се удержано есть святыми каноны»³.

На Руси с принятием православия были приняты Священное Писание и основные каноны, вошедшие в Кормчие книги. Русская Православная Церковь относилась к рассмотренным выше канонам с большим уважением, но, как показывает история России, на практике они применялись не всегда. 13-е правило Василия Великого фактически не действовало (за убийство противника на войне воины от причастия не отлучались). Что касается духовенства, то ему, разумеется, запрещалось брать в руки оружие. Однако в суровых условиях войн иногда бывали и исключения. Так, например, Сергей Радонежский не только благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем, но дал князю двух лучших своих монахов (кстати, в прошлом — воинов) — Пересвета и Ослябю. В 1608–1610 гг. монахи Троице-Сергиевой лавры «без-

¹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. С. 212–213.

² Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. 6. (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1.) СПб., 1908. Стб. 89–91.

³ Там же. Стб. 138.

наказанно» оборонялись от польских войск, выдержав 16-месячную осаду. А во время Отечественной войны 1812 года некоторые священники принимали участие в движении сопротивления на оккупированной наполеоновской армией территории, возглавляя даже отряды самообороны. После войны никто из них не был лишен священного чина. Наконец, история России знает случаи, когда бывшие военные становились затем священниками. Это архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель Иоанно-Предтеченского скита Оптиной Пустыни старец Варсонофий (Плиханков), преподобный Силуан Афонский (Семен Иванович Антонов), митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Александр (Толстопятов) и др.

Конечно, приведенные примеры единичны. Священники не могли сражаться с врагом при помощи оружия. Однако участие Церкви во внешней политике и войнах России было достаточно активным. Церковь давала идеологическое обоснование проводимым войнам и обеспечивала духовное окормление солдат. В русской православной традиции воинское служение считалось святым и праведным, обязанность защиты веры и Отечества признавалась священной, а гибель за Родину приравнивалась к пролитию мученической крови. Эти положения не были утверждены на Поместном соборе в качестве канонов, однако неоднократно проводились в летописях и трудах церковных иерархов. Они нашли также отражение в русской иконографии и агиографии. Таким образом, по справедливому замечанию Е. В. Беляковой, «в отношении к войне мы можем говорить не о воспроизведении “византийской модели”, а о создании новой идеологии “священной войны”, чуждой Византии»¹.

Например, особый чин святых Русской Церкви составляют святые благоверные князья. Среди них отдельную группу занимают князья — воители и защитники русской земли. Это Александр Невский, Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей Псковские, Мстислав Ростиславич Храбрый, Дмитрий Донской (последний был канонизирован в 1988 г.). Христианская идея

¹ Белякова Е. В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители... С. 60.

их подвига заключается в самоотверженном служении русской земле и православному народу до готовности «отдать свою душу за друзей своих». Эта мысль отчетливо выражена в заключительных словах жития Александра Невского: «Тако бо Бог прослави угодника своего, яко много тружеся за землю русскую, и за Новгород, и за Псков, и за всю землю русскую, живот свой полагая за православное христианство»¹. Другими словами, их общественный подвиг является выражением христианской заповеди жертвенной любви. Как отметил Г. П. Федотов, «герой-воитель всегда готов стать страстотерпцем, высшим выразителем княжеской святости»². Жития князей-защитников представляют собой военно-героические повести. Здесь отмечаются черты, общие для всех святых князей — благочестие, благотворительность, защита слабых, однако основное внимание уделяется чертам воинским. Так, Александр Невский сравнивается с Ахиллесом, Александром Македонским и императором Веспасианом, Всеволод-Гавриил называется «оборонителем и забралом граду Пскову от поганых немец», а Довмонт-Тимофей — «страшным ратоборцем, на многих бранях мужество свое показавшим и добрый нрав». При этом героический элемент житий неразрывно связывается с элементом религиозным. Например, Александр Невский долго молится перед походом святой Софии Новгородской, в битве на Неве ему помогают святые Борис и Глеб, а на Чудском озере — ангельские воинства.

Князья-защитники так же, как и страстотерпцы Борис и Глеб, на иконах часто изображаются в воинских доспехах и с оружием в руках. А подлинные мечи Всеволода-Гавриила и Довмонта Псковских, которые они, кстати, перед выступлением в поход освящали в Троицком соборе, долгое время хранились над их гробницами и почитались в числе святынь³.

В доспехах и с оружием изображался часто на древнейших русских иконах (XI–XII вв.) один из наиболее почитаемых на Руси святых — Георгий Победоносец. И хотя, согласно житию Георг-

¹ Цит. по: Федотов Г. П. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 106.

² Там же. С. 111.

³ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 225.

гия, бывший воин римской армии победил своих палачей и императора Диоклетиана не оружием, а твердостью в вере, мужественно приняв мученическую смерть за Христа, на двух типах икон (из трех основных) великомученик изображался именно в виде воина (либо в полный рост: в доспехах, со щитом в одной руке и копьем (или мечом) в другой; либо на коне, поражающим дракона («Чудо Георгия о змие»)). По определению историков Церкви, таким образом в русской иконографии символизировалась святость воинского подвига и самого оружия, поднятого в защиту веры и Отечества. А сраженный Георгием змий — это не что иное, как темный гений язычества, образ мирового зла, символ врага православия и России¹.

Начиная с конца XII в., в русских письменных памятниках появляется, неоднократно повторяется и развивается идея священной войны за христианскую веру и приравнивания гибели в такой войне к пролитию мученической крови, причем звучит она из уст как летописцев (при оценке событий), так и церковных иерархов. Так, например, в Ипатьевской летописи, в статье 6698 (1190) г., о немцах-католиках, участниках Крестового похода, погибших в Палестине с германским императором Фридрихом I Барбароссой, говорится: «Сии же немци, яко мученици святии, проляша кровь свою за Христа, ... о сих бо воля Господня да сбытсья, и причте я ко избранному своему стаду в лик мученицкий»². Архиепископ Ростовский Вассиан в послании к великому князю Ивану III, возглавлявшему русские войска на берегу Угры, призывает его не слушать «совета льстивых» и «крепко стояти за свое отечество» против хана Ахмата³. Он напоминает ему о знаменитой Куликовской битве и утверждает, что воины, погибшие в ней, стали мучениками, пострадавшими за христианскую веру, а раненые, но выжившие после сражения, получили отпущение своих прежних грехов: «И сподвизающиися ему [Дмитрию Донскому], иже до смерти от Бога съгрешением оставление приаша

¹ См.: Лисовой Н. Н. Победоносец // Лисовой Н. Н. Чудотворные иконы: Обретение, чудотворения, молитвы. М., 2002. С. 213.

² Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 667–668.

³ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. / под ред. В. И. Буганова. Ч. 2. М., 1987. С. 227.

и венци мученическими почтени быша, равно якоже и пръвии мученици, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедание ради Христова умроша. Сии же такоже в последнее время за веру и за церкви божиа умроша и равно с сими венци приаша. А иже тогда от съпротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии кровию своею отмыша перваа съгрешения и яко победители крепци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человек, но и от Бога»¹. Митрополит Макарий в послании царю Ивану Грозному и его войску в Казань во время осады (1552 г.), подобно архиепископу Вассиану, обещает «пострадавшим до крови» (то есть раненым) «за святыа церкви и за святую веру христианскую и за множество народа людей православных» прощение грехов, а погибшим — место в раю (мученический венец), ибо «ничтоже тоя любви болши еже положить душу свою за брата своего»².

Позиция Русской Православной Церкви по вопросу войны с внешним врагом нашла также отражение в литургическом творчестве и в храмовой архитектуре. Во время международных войн во всех церквях России читались специальные молитвы «о победе на супостаты», а в число ежедневных молитв каждого верующего (не только в военное, но и в мирное время) входил (и входит до сих пор) Тропарь Кресту, основное содержание которого — моление о победе над врагом: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство»³.

Со времен Древней Руси и вплоть до XX в. основные сражения приурочивались часто полководцами к церковным праздникам (8 сентября 1380 г. — праздник Рождества Богородицы — Куликовская битва; 26 августа 1812 г. — праздник Сретения Владимирской иконы Божией Матери — Бородинская битва и др.). Существовали и обратные ситуации, когда церковные праздники учреждались в честь военных побед. Так, один из наиболее почитаемых в православии праздников — Покрова Богородицы (1 октября ст. стилиа) — был учрежден князем Андреем Боголюб-

¹ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. С. 227.

² Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 196.

³ Молитвослов. М., 2003. С. 15.

ским в 1164 г. в честь победы над Волжской Болгарией¹, а праздник иконы Божией Матери, именуемой «Знамение» (27 ноября), возник, по благословению святителя Иоанна, в память победы новгородцев над суздальской ратью того же Андрея Боголюбского в 1170 г.²

Икона Богородицы всегда пользовалась особым почитанием и уважением среди русских воинов. Не случайно Кондак Богородице называет ее «Взбранной Воеводой победительной»³. По убеждению воинов и мирных жителей, иконы Божией Матери, находясь в войсках или в осажденном городе, неоднократно помогали одержать победу над врагом. Так, Русская Православная Церковь трижды в году отмечает три различных праздника Владимирской иконы Божией Матери, все они связаны с ее помощью в защите Москвы от захватчиков: 26 августа — в память избавления города от Тамерлана (1395 г., в это время Владимирская икона была перенесена из Владимира в Москву); 23 июня — в память освобождения от Ахмата (1480 г., «стояние на Угре», в том году икона второй раз (теперь уже окончательно) переехала в Москву); 21 мая — в память спасения от нашествия крымского хана Мехмед-Гирея I (1521 г.). Казанская икона Божией Матери находилась в войске Дмитрия Пожарского в 1612 г., а Смоленская икона Богородицы — в русской армии во время Отечественной войны 1812 года.

Наконец, с давних пор на Руси существовала традиция в благодарность Богу за одержанные победы строить храмы и монастыри. После Куликовской битвы для поминовения православных воинов, павших во время сражения, на Куликовом поле был построен монастырь в честь Рождества Богородицы; в память о покорении Казани в XVI в. на Красной площади в Москве был возведен собор Покрова на Рву (штурм Казани Иван Грозный приурочил к празднику Покрова); в честь освобождения Москвы от поляков в 1612 г. был построен Московский Казанский собор; в память о Полтавской победе в Санкт-Петербурге сооружен

¹ См.: Лисовой Н. Н. Благодать смиренных. Русская чудотворная икона в истории и в литургии // Лисовой Н. Н. Чудотворные иконы: Обретение, чудотворения, молитвы. С. 13–14.

² Там же. С. 18.

³ Молитвослов. С. 35.

храм в честь Сампсония Странноприимца (битва произошла в день памяти этого святого — 27 июня 1709 г.). Многочисленные храмы и часовни были возведены в память Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 гг. и, как будет показано ниже, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Таким образом, Русская Православная Церковь, в соответствии с христианским вероучением, считает войну несомненным бедствием и злом, однако допускает ее как вынужденное, крайнее средство защиты добра. Русская Церковь не запрещает своим чадам участвовать в войнах в защиту Отечества, православной веры и единоверцев; более того, признает такие противостояния священными, а погибающих в них воинов — совершающими подвиг жертвенной христианской любви.

В истории Российского государства на протяжении столетий Церковь практически вынуждена была давать моральную санкцию на такое страшное событие, как война. Церковь объясняла народу смысл, цели и характер войн, формировала нелицеприятный «образ врага», поддерживала в русском обществе чувство национального единства, нередко осознавая и позиционируя военные конфликты как религиозно-цивилизационное противостояние православной России и иноконфессиональных государств.

Одним из наиболее характерных исторических проявлений такого противостояния стала Отечественная война 1812 года, имевшая ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Активная позиция Церкви, осознававшей и преподносившей народу войну с Наполеоном как борьбу православной, дворянско-монархической России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции, придала происходившему религиозный колорит и сакральный смысл. В воззваниях Святейшего Синода, речах церковных иерархов, проповедях и молитвах священнослужителей Церковь подчеркивала освободительный, священный характер войны и проводила мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь Наполеона, спасти от него Россию и освободить Европу¹.

¹ Подробнее см.: Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

Религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы стала и Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., начавшаяся из-за спора о святых местах Палестины. Активное участие императора Николая I в этом споре объяснялось его справедливым желанием воспротивиться попытке западной (прежде всего — французской) дипломатии вытеснить Россию из сферы влияния на Ближнем Востоке. Ближневосточное направление, в течение нескольких столетий занимавшее важное место в российской внешней политике, было тесно связано с религиозными вопросами. Влияние России в данном регионе традиционно опиралось на позицию защитника интересов многомиллионного православного населения Османской империи, на контакты с Восточными Патриархатами, а также на постоянную, непрекращавшуюся связь с Палестиной в виде потока русских паломников в Святую Землю. Поэтому Николай I не мог отстраниться от участия в дипломатической дуэли вокруг святых мест, закончившейся кровавой развязкой. В ходе противостояния Русская Православная Церковь постоянно подчеркивала священный характер войны, которую Россия вела за святые места, за интересы России и Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи¹.

Неудивительно, что и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., вызванная новым обострением Восточного вопроса, была воспринята Русской Церковью и российским обществом как священная борьба за освобождение единоверных славян Балканского полуострова от турецкого исламского ига. В это время особую актуальность приобрела заповедь Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

¹ Подробнее см.: *Мельникова А. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

Оглавление

Введение	5
Глава I. Отношение к войне и ратному служению в русской православной традиции	20
Глава II. Православный фактор русской политики на Балканах: церковно- политические предпосылки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	36
Глава III. Российское «славянское движение» 1875–1876 гг. и Русская Православная Церковь	69
Глава IV. Позиция Русской Церкви и российского общества по отношению к начавшейся войне 1877–1878 гг.	101
Глава V. Общины сестер милосердия. Общество попечения о раненых и больных воинах	126
Глава VI. Русские монастыри и монашество во время войны 1877–1878 гг.	168
§ 1. Православные монастыри России и помощь раненым	168
§ 2. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне: испытание войной	193
Глава VII. Церковь и армия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	200
§ 1. Военное духовенство в регулярной армии	200
§ 2. Война 1877–1878 гг. в записках полковых священников Вакха Гурьева, Александра Цитовича, Иоанна Софронова, Анатолия Лебедева и Григория Лапшина	212
§ 3. Совместные службы с болгарским духовенством. Новый диалог МИДа и Синода с Константинополем по греко-болгарскому вопросу	254
Глава VIII. Итоги войны	267
§ 1. Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский трактат. Реакция на них русского общества	267
§ 2. Церковные памятники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	276
Заключение	304
Приложение I. Православные священники, удостоенные наград за отличия, оказанные во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	309
Приложение II. Документы	332
Источники и литература	379
Именной указатель	390